

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Г.П. ФЕДОТОВА

А.А. КАРА-МУРЗА

Выдающийся русский историк, философ, культуролог Георгий Петрович Федотов (1866 – 1951) на протяжении своей наполненной всевозможными коллизиями жизни (например, эмиграций в его биографии было целых три¹) прошел несколько этапов в своем интеллектуальном становлении: он был последовательно марксистом-социалистом, христианским социалистом, христианским демократом, и, наконец, христианским либералом. И в каждый из этих периодов центральной в творчестве Г.П. Федотова была и оставалась проблематика свободы.

Свобода и насилие: марксистский социализм Г.П. Федотова

С марксистскими идеями «освобождения труда» Г.П. Федотов, саратовец по рождению, познакомился во время обучения в гимназии в Воронеже, а затем в Петербургском технологическом институте, куда он поступил с прямой целью вести потом социалистическую пропаганду среди рабочих. Мирозрение юного Федотова, как и очень многих молодых людей его поколения, сформировалось под определяющим влиянием публицистики Белинского, Добролюбова, Писарева, Михайловского, Шелгунова – эти авторы постепенно расшатывали и вытеснили из сознания юноши христианские основы, заложенные вполне консервативным семейным бытом и воспитанием. В начале XX в. Федотов увлекся «социальными» произведениями Горького, Леонида Андреева, «Скитальца» (псевдоним С.Г. Петрова), зачитывался радикальными, в том числе нелегальными, брошюрами².

В разгар первой русской революции 19-летний Федотов активно включился в революционное движение в родном Саратове, вел марксистские кружки, стал одним из лидеров местных социал-демократов, примкнув к крайне-левому крылу партии. Свободу в России, по мнению Федотова-радикала, можно было вырвать прямым силовым захватом власти: «Социалисты, воспитанные на традициях 48 года (т.е. европейских революций. – А. К.) призывают к уличной революции, которая должна решить вопрос в несколько дней»³. Такая «уличная революция», прямое насилие во имя свободы, согласно раннему Федотову, возможно и эффективно именно в России, где политическая власть не укоренена в общественных институтах (как, например, в Европе), а «государственный строй держится силой городовых»⁴.

Ораторские успехи молодого саратовского марксиста тем более впечатляют, что оппонентами Федотова «справа» на оппозиционных

митингах 1905 г. выступали такие видные интеллектуалы и изошренные полемисты (юристы по образованию), как саратовские либералы-кадеты Н.Н. Львов, С.А. Котляревский, А.М. Масленников — люди, уже получившие к тому времени общероссийскую известность. Их позиция принципиально отличалась от федотовской. Биограф Николая Николаевича Львова (1867 — 1944), известный историк русского либерализма В.М. Шевырин, отмечает: «Для Н.Н. Львова было очевидно, что Россия стоит на пороге великих перемен. Он умел читать знамения времени, предвидел возможность “кровавого кошмара” революции и насильственного крушения существующего строя. Все свои усилия он направил на то, чтобы предотвратить погружение страны в хаос анархии и смуты... Уже в 1902 году Львов говорил о необходимости «примирить два начала, начало власти и начало свободы», соединив их в такое гармоничное целое, где бы оба начала не пожрали бы друг друга»⁵. Со временем Г.П. Федотов вынужден будет признать резоны своих либеральных оппонентов.

Поражение революции 1905 г. повлекло за собой быстрое изменение общественно-политических взглядов Федотова — он на свой лад проделал путь от левого радикализма к центризму, характерный для очень многих думающих современников. Основным смыслом этого «поправения» стал отказ от иллюзий быстрого, силового и «внешнего» освобождения, погружение в проблематику культуры с ее идеей личностного и общественного совершенствования.

Во время своей «первой эмиграции» Федотов посещал лекции по истории и философии в Берлинском, а потом (после высылки из Пруссии) в Йенском университетах. После возвращения в Россию осенью 1908 г. он восстанавливается на историко-филологическом факультете Петербургского университета (куда был формально зачислен еще до ареста и высылки), где попадает в орбиту выдающегося педагога и ученого-медиевиста Ивана Михайловича Гревса⁶, воспитавшего целую плеяду русских интеллектуалов (Л.П. Карсавин, Н.П. Оттокар, Н.П. Анциферов, В.В. Вейдле и др.)⁷. Именно в ходе историко-культурных семинаров Гревса Федотов знакомится с именами Блаженного Августина, Абеяра, Франциска Ассизского, Данте (ставших в дальнейшем предметом его специальных исследований), начинает глубоко интересоваться проблематикой римского права, средневековых итальянских и французских коммун, историей зарождения и становления религиозной свободы в Европе. Через товарища по семинару, С.И. Штейна, — пасынка известного правоведа, политика и журналиста И.В. Гессена, Федотов погружается в «широкую гуманистическую атмосферу старого Петербурга»⁸.

Большую научную и культурную пользу Федотову принесла нелегальная (из-за опасений нового ареста) поездка в 1911 — 1912 гг. в Италию, где он, по совету Гревса, много занимался в библиотеках Рима и

Флоренции. Разумеется, социалистические пристрастия определяли жизнь Федотова и в Италии: в знаменитой Библиотеке Лауренциана во Флоренции он с наслаждением читал манускрипты кумира своей юности Томмазо Кампанеллы⁹. Однако в сознании молодого человека подспудно шел процесс, точно описанный Ф.А. Степуном: «Известно, с какою внезапностью революция 1905 г., разочаровавшая многих идейных попутчиков, распахнула двери в Европу и тем обнаружила провинциальную серость второсортной направленной литературы, философскую отсталость марксизма и многое другое»¹⁰.

Вернувшись в Россию весной 1912 г., Федотов явился с повинной в жандармское управление и получил разрешение на сдачу экзаменов в Петербургском университете. В дальнейшем он был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки магистерской диссертации, в 1916 г. стал приват-доцентом, одновременно работая сотрудником Публичной библиотеки. В годы мировой войны он окончательно отошел от космополитического большевизма и, оставаясь демократом-социалистом, занял после Февральской революции активную «оборонческую» позицию: россиянам теперь предстояло защищать не только отечество, но и недавно завоеванную февральскую свободу.

Весной-летом 1917 г. Федотов — активный лектор-пропагандист петроградского Народного университета им. Л.И. Лутугина. Его основные темы: происхождение и смысл войны, судьба человеческой свободы в мировом катаклизме и пути выхода из него. Главное бремя войны и ее опасность для европейской цивилизации состояли, согласно Федотову, в том, что во всех участвующих в ней странах война поставила под угрозу завоевания свободы: «Война вызвала всюду реакцию... Всюду отказ от завоеванной раньше свободы, усиление государственного рабства... Делается ясным, что продлись она еще несколько лет, погибнет вся материальная и духовная культура Европы»¹¹.

Выступая в середине 1917 г. перед своими слушателями, Федотов отчетливо понимал накопившуюся в людях военную усталость. Однако, по мнению Федотова-оборонца, чтобы обрести прочный и длительный мир, необходимо предварительно одолеть кайзеровскую Германию. Все революции, напоминал Федотов, «совершаются тогда, когда правительство оказывается банкротом, когда оно теряет всякое доверие, когда падает престиж власти»: «И если Вильгельм обманет надежды на победу и на “почетный”, т.е. выгодный и хищнический мир, тогда падет престиж его власти и разразится революция... Путем насилия (революции) приходим мы к свободе... Так и сейчас мы вынуждены на насилие ради свободы. Теперь впервые, может быть, меч находится в руках освобождающего класса... Поэтому социализм, войну отрицающий, должен еще продолжать ее для осуществления своих идеалов»¹².

**«Свобода любви» против «свободы ненависти»:
христианский социализм Г.П. Федотова**

Путь Г.П. Федотова от марксизма к христианству (его можно назвать и *возвращением*, если вспомнить семейное воспитание Федотова) не был легким. Большое значение имели здесь встречи во время учебы в Германии с русской антропософкой Ольгой Николаевной Анненковой (1884 — 1949), ближайшей ученицей и переводчицей Рудольфа Штайнера, которая, по воспоминаниям Е.Н. Федотовой (урожд. Нечаевой), «сумела открыть ему мир символизма и, таким образом, пробить первую брешь в его, казалось, прочно сколоченном материалистическом миросозерцании»¹³.

Влияние «символизма» на эволюцию взглядов Федотова точно уловил в свое время Степун. Отталкиваясь от федотовской фразы: «Символизм в лице самых лучших и мудрых своих провидцев, подводит к порогу Церкви; гром революции лишь ускорил неизбежную развязку» (1930)¹⁴, Степун писал: «Он (Федотов. — А. К.) не был ни философом, ни поэтом в профессиональном смысле этих слов, т.е. не работал в тех областях культуры, что в начале века были революционизированы символическим методом осознания и ознаменования своих достижений... Тем не менее, он всем своим существом принадлежал к новым людям нашего культурного возрождения»¹⁵.

Однако определяющую роль в переходе Федотова «от марксизма к идеализму» сыграло его тесное общение с Александром Александровичем Мейером (1874 — 1939) — самобытным мыслителем, религиозным и общественным деятелем. Мейер, будучи на 12 лет старше Федотова, ранее проделал схожий путь: учился на историко-филологическом факультете (в Одессе), увлекался радикальным марксизмом, неоднократно арестовывался за революционную пропаганду среди рабочих. После поражения революции 1905 г. перешел от социального радикализма к «новому религиозному сознанию», важнейшим элементом которого стала оригинальная концепция свободы.

Еще в 1909 г. вышла в свет большая работа Мейера «Религия и культура», направленная как против «старого» (классового) коллективизма, так и против индивидуалистического «гуманизма» (либерализма). Мейер провозгласил себя апологетом «нового коллективизма», так называемого «пробытия вместе», «общего переживания восторга общения со свободным бытием», основанного на спонтанном религиозном действии, схожего с мистерией: «Христиане начинали жизнь святых, как только становились христианами. Общение в свободе уже начинали постигать возвещавшие *urbi et orbi* благую весть... В Мюнстере уже начинала рождаться свобода, прежде чем о замысле освободившихся узнали их враги... Свободное общение — это уже Царствие Божие... Пребывая вместе, начиная вместе разрушать твер-

дыню несвободы, они готовили пути грядущему»¹⁶. Индивидуальную правовую свободу, за которую боролись либералы, Мейер объявлял ложной: «Это — свобода приспособления, свобода, которая сама по себе делает необходимым право, норму, суверенитет общественного целого... Это свобода людей, не умеющих быть свободными, свобода недостойных свободы, не знающих свободы *в себе*»¹⁷.

После большевистского переворота Г.П. Федотов стал активным участником сложившегося вокруг Мейера религиозного кружка; через некоторое время его основное ядро основало более узкое братство «Христос и свобода», заседание которого начиналось молитвой: «Просим тебя, Христос, Учитель... Да будем свободны по воле Твоей, Да будем свободны в любви Твоей, Свободны во всех путях наших к Тебе...»¹⁸

В марте 1918 г. начал издаваться печатный орган Братства «Свободные голоса», в первом номере которого появилась статья Федотова «Лицо России». Именно в ней он подвел черту под своим атеистическо-космополитическим прошлым и обозначил принципиально новую философско-историческую идею, которую можно коротко сформулировать так: «Россию убила ненависть, и ее способна воскресить только Любовь». Противопоставление так необходимой в России (и так трудно достигаемой здесь) «Свободы-как-Любви» — «Свободе-как-Ненависти» — вот первое самостоятельное открытие еще очень молодого Федотова в осмыслении проблематики русской свободы. Этой свободе, согласно «новому» Федотову, мешают не столько охранители несвободы (опыт демократизации европейской культуры доказывает, что *культурные борцы* за свободу могли бы с ними справиться); гораздо больше подлинной свободе препятствуют отечественные «нигилисты», только рядящиеся в одежды эмансипаторов, но в действительности способные лишь в очередной раз «проиграть свободу», а не завоевать ее¹⁹.

Главный источник русской катастрофы, согласно Федотову, — это накопившаяся в самых разных слоях «ненависть к России»: «Гипнотизировал политический лик России — самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее. И она не вынесла этой ненависти»²⁰.

В первые послереволюционные месяцы Федотов приходит к принципиальному выводу: благополучие и величие нации создаются не там, где народ получает право *свободно ненавидеть* свое государство (такие образования долго не живут — ненависть их убивает), а там, где появляется возможность и право *свободно любить* свою историю и свою культуру. Именно «любовь», согласно Федотову, «есть начало, скрепляющее всякое общество»: «Без нее высвобождается хаос противоречивых стремлений групп и личностей, начинается процесс распада»²¹.

Итак, уже в первые пореволюционные годы Г.П. Федотов начинает постепенно обживать позицию, со временем ставшую в его творчестве центральной: свобода может родиться только из культуры, причем из культуры национальной за счет творческого развития накопленных в ней позитивных смыслов²².

Свобода как творчество: христианский демократизм Г.П. Федотова

В свое время друг и коллега Федотова, Ф.А. Степун, хорошо написал об уникальности Федотова в русско-эмигрантской среде: «Особенность федотовского мирозерцания главным образом объясняется противоестественным сращением начал христианской истины и марксистской социологии... В каждом образе и в каждом обороте мысли динамика торжествовала над статикой. Все дышало, с одной стороны, христианским ожиданием преображения мира, а с другой, — подчинением марксистскому требованию активной, т.е. изменяющей лицо мира науки»²³. По мнению Степуна, среди русских интеллектуалов, «по-существу» перешедших от марксизма к Церкви, Федотов занимал совершенно особое место: «Читая Бердяева, Булгакова, Франка или Струве, чувствуешь, что, придя к вере, они отошли от своего прошлого, претворили его в своем новом религиозно-философском утверждении веры и Церкви. Федотов единственный, который, придя в Церковь, не отказался от своего интеллигентски-революционного прошлого. Читая его, иной раз видишь перед собой типично русского интеллигента-радикала марксистского толка, поселившегося в келье старца, и в этом не чувствуется раздвоение личности, а как бы религиозная двухполюсность ее»²⁴.

Интеллектуала Федотова, очень одинокого при всех режимах, всегда отталкивала любая «партийность» — от ее ранивших проявлений он много натерпелся и на родине, и на чужбине. Поэтому, как никто другой в эмиграции, он стал фигурой интегральной, общедемократической, стягивающей воедино конструктивные «русские смыслы», о чем хорошо написал ученик Федотова, Ю.П. Иваск: «Он — Герцен, ставший христианином; он — Хомяков, опять вернувшийся на Запад»²⁵.

В своих эмигрантских работах Федотов принципиально ушел от противопоставления «правого» и «левого», заменив его другой оппозицией: «цивилизация против варварства». Уже в ранне-эмигрантской статье «Трагедия интеллигенции» (1926) он указал на важнейшую проблему «стоялых» периодов русской истории, в которых невозможность или ограниченность свободы творчества часто компенсируется «свободой бунта». Именно так подошел он к осмыслению двух последних веков допетровской России: «Нельзя закрывать глаза на подвиг создания великой державы, нельзя не видеть и огромных сил

народных, которые живы в узах сыромятных ремней. Но страшно, что эти силы громче всего говорят о себе – в бунте: Ермак, смута, Разин, раскол! Как не поразиться, что единственный великий писатель московской Руси – мятежный Аввакум!»²⁶

Отсюда родом, согласно Федотову, и феномен русской интеллигенции, компенсирующей свою «беспочвенность» (т.е. невозможность применить свои силы к позитивному творчеству) повышенной, диссидентской «идейностью»: «Знаете ли, кто первые русские интеллигенты? При царе Борисе были отправлены за границу – в Германию, во Францию, в Англию – 18 молодых людей. Ни один из них не вернулся... Не будем осуждать их. Несомненно, возвращение в Москву означало для них мученичество. Подышав воздухом духовной свободы, трудно добровольно возвращаться в тюрьму...»²⁷

Согласно общей философско-исторической концепции Федотова, развитие России происходило в условиях острого соперничества по меньшей мере трех тенденций: самодержавно-деспотической, антигосударственно-нигилистической и творческо-европеистской. Только победа этой третьей, европейской, культуроцентричной тенденции открывала перед Россией перспективу свободного и полного развития. «Судьба, увы, сулила иное», – констатировал Федотов. Изучению причин крушения русского европеизма, анализу истоков большевистского варварства и поиску путей освобождения России и посвящена главным образом эмигрантская публицистика Федотова.

Петровские реформы, по мысли Федотова, дали мощный импульс российскому европеизму. Творческий потенциал этого реформаторства мог двинуть Россию не по пути банального подражательства Европе, а в направлении творческого развития самой «культурной идеи Европы». Петровская реформа, писал Федотов в «Письмах о русской культуре» (1938), создала породу «русских европейцев», которая могла не только сродниться с Европой, но и стать воплощением «высшей Европы»: «Их («русских европейцев». – А. К.) отличает прежде всего свобода и широта духа – отличает не только от москвичей, но и от настоящих западных европейцев. В течение долгого времени Европа, как целое, жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москвы-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее»²⁸.

Тип русского европейца, по мысли Федотова, – вовсе не отрицание «старой русскости», а творческое ее преодоление и развитие. В противоположность вульгарным «западникам» (это понятие, в отличие от «европеистов», имеет у Федотова негативный оттенок²⁹) – скептиков, циников и порой откровенных русофобов, в которых петровское «открытие Европы лишь закрепило неверие в собственную страну, – русские европейцы, напротив, не потеряли ни связи с отечеством, ни силы национального характера»: «В каждом городе, в каждом уезде остались следы этих культурных подвижников... Это они не давали

России застыть и замерзнуть, когда сверху старались превратить ее в холодильник, а снизу в костер»³⁰. К несчастью для страны, человеческий тип «русского европейца» не успел достаточно развиться и не получил надежного политического представительства, а потому проиграл двум другим национальным типам, принципиально антикультурным и, в сущности, антинациональным — реакционеру-охранителю и разрушителю-нигилисту.

В ряде работ Федотов писал о возможной в России, но, увы, не сложившейся «национально-либерально-демократической партии», возможное кредо которой он сформулировал так: «православная, национальная, но враждебная бюрократии и оторвавшемуся от народа дворянству, защищающая свободу печати и слова, единения царя и земли в формах Земского Собора»³¹. По мнению Федотова, и в Москве, и в русской провинции «никогда не угасала эта благородная традиция — Самариных, Шиповых, Трубецких»: «Национально-демократическая партия приобрела бы огромный резонанс в городском купеческом и служивом населении, будь она почвенна и национальна»³². Эта партия, по мнению Федотова, могла бы стать «не классовой, а всенародной, с ударением, однако же, на торгово-промышленные слои как силу земскую по преимуществу, почвенную и прогрессивную»³³. Однако вырождение в России раннего, либерального славянофильства в духе Ивана Аксакова и деградация его к черносотенству (Федотов повторяет здесь известную схему «вырождения славянофильства» Вл.С. Соловьева) «обескровило это направление»³⁴.

В 1930-е гг. историософская и политическая публицистика Федотова еще более насыщается *общедемократическим* содержанием. Этому в немалой степени способствовало его более тесное сближение (особенно в «новоградский» период) с Ф.А. Степуном, который, по его собственным словам, «противопоставлял федотовским взглядам свои собственные, гораздо более консервативные», и которого, отличало «гораздо более снисходительное отношение к грехам капитализма»: «Никакой живой ненависти к вольному рынку и частной собственности я никогда не испытывал. Попытки многих ученых социалистов доказать, что социализм является единственно правильной социально экономической проекцией христианства, мне всегда казались таким же насилием, как и научные усилия христианской защиты капиталистического строя»³⁵.

Свобода как высшая ценность: христианский либерализм Г.П. Федотова

Исследование причин трагедии России, где борьба за человеческую свободу породила в конечном итоге многократное умножение рабства, привело христианина Федотова к необходимости глубинного анализа самого понятия «свобода».

В 1944 г. в нью-йоркском «Новом журнале» он опубликовал знаменитую статью «Рождение свободы». Вопреки известному изречению Ж.-Ж. Руссо о том, что «человек рождается свободным, а умирает в оковах», умудренный Федотов, напротив, приходит к выводу о том, что «свобода есть поздний и тонкий цветок человеческой культуры»: «Это нисколько не уменьшает ее ценности. Не только потому, что самое драгоценное — редко и хрупко. Человек становится вполне человеком только в процессе культуры, и лишь в ней, на ее вершинах, находят свое выражение его самые высокие стремления и возможности»³⁶.

Свобода, согласно позднему Федотову, — уникальное явление, возникшее в уникальном культурном контексте: «Культуры могут поражать нас своей грандиозностью, пленять утонченностью, изумлять сложностью и разумностью социальных учреждений, даже глубиной религии и мысли, но... *мы не найдем свободы как основы общественной мысли* (курсив мой. — А.К.)»³⁷. Как сама культура — «исключение на фоне природной жизни», так и свобода — «исключение в цепи великих культур», утверждает Федотов. Свобода появляется как результат культурного творчества особого рода. Она приходит не тогда, когда государственность подтачивается и разрушается, а, наоборот, тогда, когда укрепляется новый порядок — «утверждение границ для власти государства, которые определяются неотъемлемыми правами личности»³⁸.

Все виды свободы, согласно Федотову, «могут быть сведены к двум основным началам». «Главное и самое ценное содержание свободы» — это «свобода убеждения — религиозного, морального, научного, политического, и его публичного выражения»³⁹. С другой стороны, «целая группа свобод защищает личность от произвола государства независимо от вопросов совести и мысли: свобода от произвольного ареста и наказания, от оскорбления, грабежа и насилия со стороны органов власти»⁴⁰.

Федотов называет эти две группы свобод — «свободы духа» и «свободы тела», показывая, что первые (и фундаментальные) зарождаются внутри христианской культуры Средневековья, в то время как вторые — в результате политической борьбы Нового и Новейшего времени. Без укорененных в метафизике завоеваний в области «свободы духа» не выйдет политически завоевать «свободу тела»; все попытки «перепрыгнуть через метафизику» — опыт Европы это хорошо показывает — обречены на неудачу и, как правило, оборачиваются новой несвободой.

Итак, свобода, будучи феноменом развитой (и при этом христианской) культуры, не может стать легко достигаемым обретением «голой», этически выхолощенной политики. Более того, при своем зарождении правовая свобода всегда оказывается свободой для не-

многих — иной она и не может быть. Человеческая свобода рождается как *привилегия*, подобно всем другим плодам высокой культуры.

Драма России заключалась в том, что страна во многом была воспитана в восточной деспотической традиции. Когда все равны и беззащитны перед лицом деспота (включая и формально элитные слои), подданные ни за что не соглашаются со «свободой для немногих, хотя бы на время»: «Они желают ее для всех или ни для кого. И потому получают *“ни для кого”*... Им больше нравится царская Москва, чем шляхетская Польша. Они негодуют на замысел верховников, на классовый эгоизм либералов. И в результате на месте дворянской России — Империя Сталина»⁴¹.

Большой заслугой Федотова-интеллектуала является разграничение в русском культурно-политическом контексте понятий *свобода* и *воля*. В статье «Россия и свобода» (1945) он дал определение, ставшее в русском либерализме классическим: «Личная свобода немыслима без уважения к чужой свободе; воля — всегда для себя... Воля есть, прежде всего, возможность пожить по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами... Воля торжествует или у выхода из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми»⁴². Поэтому «русская воля» (часто обманчиво принимаемая за подлинную свободу), не страшна для тирании, ибо является лишь ее оборотной стороной. «Она (воля. — А. К.) не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо...»⁴³

Федотов хорошо понимал, что «европейскую культуру» нельзя заимствовать и механически пересаживать в Россию — ее (в том числе культуру политическую) можно только целенаправленно и упорно растить. В противном случае «культурное облучение Западом» приводит на русской почве к фатальной «мутации» — гипертрофии политических, т.е. насильственных, антикультурных настроений и действий. Поздний Федотов, отдающий полное предпочтение *свободе* перед *равенством* (само слово «демократия» попадает у него под подозрение), приходит к итоговому выводу: стремление к всеобщему уравниванию, прикрывающееся лозунгами предельного демократизма, губительно для личных свобод и не только не обеспечивает искомой свободы, но и способно привести к еще более тяжкому деспотизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1906 г. Г.П. Федотов был приговорен за революционную деятельность к ссылке в Архангельскую область, которая, в результате хлопот матери, была заменена высылкой в Германию «при условии возвращения не ранее 7 июля 1908 г.». В 1911 г. Федотов, опасаясь нового ареста, по подложному паспорту уехал в Италию, где провел несколько месяцев. В 1925 г., не в силах ужиться с большевистским режимом, он навсегда уехал из России — сначала в Германию, а затем во Францию. К этим «трем эмиграциям» можно добавить еще одну: в 1941 г. Федотов покинул покоренную нацистами Францию и отправился по вы-

хлопотанной американскими друзьями визе в США. Он скончался 1 сентября 1951 г. в госпитале г. Бэкон (штат Нью-Джерси). Подробнее см.: *Кара-Мурза А.А.* Георгий Петрович Федотов: «Духовное спасение России заключается в возрождении потребности в свободе» // *Российский либерализм: идеи и люди* / отв. ред. А.А. Кара-Мурза. – М.: Новое издательство, 2007. С. 864 – 871.

² *Федотова Е.Н.* Георгий Петрович Федотов // *Федотов Г.П.* Лицо России. Статья 1918 – 1930 гг. – Париж: Имка-пресс, 1988. С. IV.

³ *Федотов Г.П.* Собр. соч. В 12 т. Т. 1. – М.: Мартис, 1996. С. 94.

⁴ Там же. С. 94 – 95.

⁵ Цит по: *Российский либерализм: идеи и люди.* С. 660 – 661. Впоследствии жизненные траектории бывших оппонентов – Н.Н. Львова и Г.П. Федотова – близко сошлись: в 1910-е гг. они, например, активно работали в Саратовской историко-архивной комиссии. В августе 2004 г. мне, как руководителю Фонда «Русское либеральное наследие», довелось открывать мемориальную доску двум выдающимся интеллектуалам на здании Областной библиотеки в Саратове (ул. Горького, 40), где до революции работала Архивная комиссия.

⁶ Федотов вспоминал об И.М. Гревсе как о «замечательном воспитателе», который «с редкой объективностью возвращал самые противоречивые научные дарования» (*Федотов Г.П.* С.И. Штейн // *Новый журнал.* 1951. № 5. С. 219). Молодой Федотов воспринял даже стиль поведения любимого учителя (*padre* – как он его называл на итальянский лад). Вот две портретные зарисовки – портрет Гревса 1910-х гг., нарисованный его учеником Н.П. Анциферовым, и портрет Федотова 1930-х гг. в изображении Ф.А. Степуна: «Что-то скромное, почти застенчивое, и, вместе с тем, полное благородного изящества и чувства достоинства. Движения были мягки и сдержанны» (*Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания. – М.: Феникс, 1992. С. 166); «Очень сдержанная речь, тихий, но богатый интонациями голос; во внешнем облике нечто очень изящное, хрупкое и даже “декадентское”» (*Степун Ф.А.* Г.П. Федотов // *Степун Ф.А.* Сочинения / отв. ред. В.К. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 747).

⁷ О глубоком влиянии «школы Гревса» на его учеников см.: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. – М.: Независимая газета, 2001. С. 136 – 146.

⁸ См.: *Федотова Е.Н.* Георгий Петрович Федотов. С. VII.

⁹ «Кампанелла только теперь раскрыл мне свою душу, и помимо исторического интереса его хроника, как мемуары всех революционеров, – человеческий документ, для меня очень ценный» (Письмо Г.П. Федотова Т.Ю. Дмитриевой 9 августа 1911 г. из Флоренции // *Федотов Г.П.* Собр. соч. В 12 т. Т. 12. С. 164).

¹⁰ *Степун Ф.А.* Г.П. Федотов. С. 749 – 750.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Там же. С. 99 – 100.

¹³ *Федотова Е.Н.* Георгий Петрович Федотов. С. VI.

¹⁴ См.: *Федотов Г.П.* Новая Россия // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 1. – СПб.: София, 1991. С. 224.

¹⁵ *Степун Ф.А.* Г.П. Федотов. С. 749.

¹⁶ *Мейер А.А.* Религия и культура (По поводу современных религиозных исканий) // *Meyer A.A.* (Euvres Philosophiques. – Paris: Presse libre, 1982. P. 79, 81. Частые упоминания Мейером, выходцем из немецко-лютеранской семьи, «Мюнстера» (т.е. вспыхнувшего там в 1534 г. движения секты анабаптистов) наводят на мысль о том, что Мейер ни много ни мало примерял на себя харизматические одежды вождя движения, проповедника Иоанна Лейденского.

¹⁷ Там же. С. 87.

¹⁸ Там же. С. XIII.

¹⁹ 20 лет назад, исследуя проблематику «русского варварства» и его рецидивов в нашей истории, я, опираясь в том числе на труды Федотова, писал: «Свобода, как и культура, никогда и никому не гарантирована. А опасность социальной деградации поджидает нас в том числе и в облиचे особенно тонкого искусства – “бескомпромиссного борца с варварством”» (*Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. – М.: Институт философии РАН, 1995. С. 196.)

- ²⁰ Там же.
- ²¹ Федотов Г.П. Лицо России // Федотов Г.П. Лицо России. Статьи 1918 – 1930 гг. – Париж: YMCA-PRESS, 1988. С. 1.
- ²² О необходимости различать в любой культуре (в том числе русской) *традицию*, способную к творческому развитию, и омертвевший *традиционализм* см.: Жукова О.А. Исторический образ России: традиция и традиционализм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4. С. 56 – 60.
- ²³ Степун Ф.А. Г.П. Федотов. С. 747.
- ²⁴ Там же С. 749.
- ²⁵ Иваск Ю. Георгий Петрович Федотов (1886 – 1951) // Опыты. 1956. № 7. С. 67; См. также: Жукова О.А. Русская культура в историософской рефлексии Г.П. Федотова // Культура культуры. 2014. № 1. С. 5.
- ²⁶ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Лицо России. Статьи 1918 – 1930 гг. С. 87.
- ²⁷ Там же. С. 88.
- ²⁸ Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 2. – СПб.: София, 1992. С. 178.
- ²⁹ Плодотворную идею Г.П. Федотова о необходимости смыслового разведения понятий «европеизм» и «западничество» (для многих до сих пор кажущихся синонимами) автор этой статьи поддержал более 20 лет назад (см.: Кара-Мурза А.А. Что такое российское западничество? Размышления участника конференции // Полис (Политические исследования). 1993. № 2. С. 90 – 96).
- ³⁰ Федотов Г.П. Письма о русской культуре. С. 179.
- ³¹ Федотов Г.П. Революция идет // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 1. – СПб.: София, 1991. С. 164 – 165.
- ³² Там же. С. 165. Очевидно, что в своих работах конца 1920 – 1930-х гг. Федотов воспроизводит политическую логику лидеров национал-либеральной «Партии мирного обновления» Д.Н. Шипова, М.А. Стаховича, кн. Е.Н. Трубецкого, Н.Н. Львова, опиравшихся в начале XX в. именно на наследие русских либеральных славянофилов. Увы, это перспективное, *центристское* направление в среде поборников русской свободы было в итоге «сплющено» между кадетским радикализмом и октябристским соглашательством. (Подробнее см.: Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. – М., 2011. С. 57 – 98)
- ³³ Федотов Г.П. Революция идет. С. 165.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Степун Ф.А. Г.П. Федотов. С. 749, 755 – 756. Подробнее см.: Кантор В.К. Федор Августович Степун: «Божье утверждение свободного человека как религиозной основы истории» // Российский либерализм: идеи и люди. – М., 2007. С. 872 – 877.
- ³⁶ Федотов Г.П. Рождение свободы // Судьба и грехи России. Т. 2. С. 253.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 254. Цикл статей «американского периода» о свободе показывает, что в последние годы Г.П. Федотов перешел на позиции «охранительного либерализма», охарактеризованные в русской политической философии Б.Н. Чичериным (см.: Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса (Основные интенции либеральной идеологии на Западе и в России) // Полис (Политические исследования). 1994. № 3. С. 118 – 124; Чижков С.Л. Охранительный либерализм Б.Н. Чичерина и проблема свободы, порядка и права // Право и политика. 2008. № 10. С. 2550 – 2557).
- ³⁹ Федотов Г.П. Рождение свободы. С. 253.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 261 – 262.
- ⁴² Федотов Г.П. Россия и свобода // Судьба и грехи России. Т. 2. С. 286.
- ⁴³ Там же.

REFERENCES

- Fedotov G.P. *The Face of Russia*. Articles of 1918 – 1930 years. Paris, YMCA-PRESS, 1988 (in Russian).
- Fedotov G.P. *Collected Works*. 12 volumes. Moscow, 1996 – 2008 (in Russian).
- Fedotov G.P. *The fate and the sins of Russia*. 2 volumes. Saint Petersburg, 1992 (in Russian).
- Kara-Murza A.A. What is Russian Westernism? *Polis*. 1993. No 2 (In Russian).
- Kara-Murza A.A. *New barbarism as a problem of the Russian civilization*. Moscow, 1995 (in Russian).
- Kara-Murza A.A. Famous Russian about Florence. Moscow, *Nezavisimaya Gazeta* [Independent Newspaper], 2001. 512 p. (in Russian).
- Kara-Murza A.A., Zhukova O.A. *Freedom and faith. Christian liberalism in the Russian political culture*. Moscow, 2011. 184 p. (in Russian).
- Russian Liberalism: Ideas and People. A.A. Kara-Murza (ed.). Moscow, 2007 (in Russian).
- Stepun F.A. *Writings*. V.K. Kantor (ed.). Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2000. 1000 p. (in Russian).
- Zhukova O.A. Russian culture in the historiosofic reflection of G.P. Fedotov. *Kultura Kulturi*. 2014. No 1 (in Russian).
- Zhukova O.A. Historic image of Russia: Tradition and Traditionalism. *Humanitarian and socio-economic sciences*. 2007. No 4 (in Russian).

Аннотация

Русский историк, философ, культуролог Георгий Петрович Федотов (1866 – 1951) прошел несколько этапов в своем интеллектуальном становлении: он был последовательно марксистом-социалистом, христианским социалистом, христианским демократом и, наконец, христианским либералом. В каждый из этих периодов центральной в творчестве Федотова была проблема свободы. На большом фактическом материале автор исследует эволюцию понятия «свобода» в творчестве Г.П. Федотова.

Ключевые слова: Россия, свобода, культура, революция, демократия, эмиграция.

Summary

Russian historian, philosopher, culturologist Georgy Fedotov (1866 –1951) has passed several stages in his intellectual life: he was a marxist-socialist, a Christian socialist, a Christian democrat and, finally, a Christian liberal. At each of these stages the central concept in Fedotov's creative work was the concept of freedom. Basing on considerable factual material the author analyzes the evolution of the concept of *freedom* in G.P. Fedotov's creative work.

Keywords: Russia, freedom, culture, revolution, democracy, emigration.